

ЯЗЫЧЕСТВО — теологический термин, конституированный в рамках дуальной оппозиции «теизм (в конкретно-историческом приложении — христианство) — нетеизм (соответственно — Я.)» и обозначающий систему нетеистских верований различных народов («Я.» — от «язык»; в значении «народ»). Оппозиция «теизм — Я.» является асимметричной как во временном, так и в аксиологическом отношении. Теизм противоположен Я. как дотеистским (и в частности — дохристианским) верованиям, что задает отрицательную аксиологию последних, тем более острую, чем более ранний период доминирования христианства над Я. будет рассмотрен; русск. «язык»; в данном отношении эквивалентно греч. *barbaros* (варвар) и евр. *gwm* (иноземец), что в данном случае осмысливается как иноверец, нехристианин, придавая термину негативное звучание: укр. эквивалент русск. «Я.» — «паганство» (ср., а *pro ro*, англ. *pagán* — язычник). Я. является необходимой стадией становления теизма, эволюция которого предполагает в качестве нулевого цикла трансформацию ранних форм религиозных верований (анимизм, тотемизм, фетишизм) в политеизм — с последующим развитием его в направлении монотеизма (что Фромм трактует в качестве органичного вектора эволюции религиозной веры).

Типологические характеристики Я. могут быть представлены следующим образом. 1) Прежде всего, если теизм предполагает трактовку Бога как трансцендентного начала и, соответственно, установку на усмотрение и постижение трансцендентального смысла в мире как «книге творения», то Я., фундированное мифологическим мировоззрением, ориентировано на вчувствование в имманентную мерность бытия (ср. с анаксимандровским истолкованием апейронизации как космической кары за нарушение стихиями меры; гераклитовское «солнце не преступит меры, иначе Эринии, слуги Дике, его настигнут»). 2) Воплощенная в языческих богах мерность космического равновесия делает их выражением гармонии и порядка, однако практически лишает индивидуальной свободы: они оказываются подчинены каждой своей функции в обеспечении космического миропорядка, исполняя свою судьбу так же, как и люди («такую уж видно мощную выпряла долю Судьба, как его я рождала» — Афродита о сыне в Гомеровских гимнах), — в отличие от теизма, отчетливо артикулирующего трансцендентный статус Бога по отношению к миру, дающий ему абсолютную возможность попирает законы природы (феномен чуда, теургия) и ничем не ограниченную свободу воли (Иоанн Дуне Скот отвергает, например, идею творения мира «по разуму Божьему», ибо необходимость следования рациональной логике ограничивала бы атрибутивность и безграничную свободу воли Божьей).

Как замечает раннехристианский критик Я. Лактанций Фирмиан, «то, на что ссылаются стоики в обоснование божественности небесных тел, доказывает как раз обратное... — именно потому, что светила не могут сойти с предустановленных орбит, обнаруживается, что они не боги: будь они богами, можно было бы наблюдать, как они движутся то туда, то сюда..., ибо их волевые акты свободны». 3) В соответствии со сказанным, основным морально-этическим требованием Я. является соблюдение меры: от бытовой умеренности (есть за обедом более 14 блюд в античной Греции считалось

неприличным) до достойного несения своего жребия, не приступая его имманентной меры. Если этика христианства — это этика свободного выбора, то этика Я. — чистой воды исполнительский ригоризм: героем (греч. *eros* этимологически восходит к значению «умерший»; в архаической греческой культуре это слово писалось на могильных плитах) считается исполнивший свою судьбу. 4) Боги Я. представляют собой не столько персоны, сколько персонификации, где личностная компонента образа отходит на второй план по сравнению с компонентой воплощения той или иной стихии (Тетис — моря, Гея — земли, Аполлон — солнца и т.п.) или — позднее — соответствующей хозяйственной функции (Асклепий — врачевания, Артемис — охоты, Гефест — кузнечного дела и т.п.) в отличие от остро-артикулированного в теизме личностного статуса Бога. 5) Языческие боги, не обретая трансцендентного характера, конституируются как антропоморфные (ср. теистский запрет на изображение лика Божьего, в частности — запрет в раннем христианстве на иконографию Троицы).

Антропоморфизм языческого пантеона задает богам не только осязаемую телесность (красота Афродиты, хромота Гефеста, девственность Афины, эротический потенциал Зевса), но и индивидуализированные характеры, предполагающие, однако, в качестве интегрально общей характеристики так называемую зависть богов, являющую собой не что иное, как механизм поддержания космической меры как закономерности: преступление человеком меры мужества, разума или счастья рассматривается богами именно как преступление против высшей ценности — мерности Космоса — и незамедлительно пресекается, зачастую нещадно караясь (Посейдон против Одиссея). 6) В отличие от теизма, фундированного идеей трансцендентного Бога, Я. характеризуется феноменом теофании, т.е. возможности непосредственной явленности богов и их вмешательства в события земной жизни: вовлеченность Олимпа в Троянскую войну у Гомера, мифологические герои как рожденные от бога и смертной и т.п. (ср. с характерной для классического теизма презумпцией принципиальной непостижимости Бога, проявляющего себя в мире теургическим образом — см. Теургия). 7) В отличие от теизма, проблематика веры как интимно сокровенного состояния души не является для Я. центральной и, более того, принципиально значимой: семантическим центром Я. выступает отправление культа, также, в свою очередь, сфокусированного не на творимой душой молитве, но на непосредственных культовых ритуалах (жертвоприношения богам, участие в мистериях и т.п.). 8) Я. предполагает развитую магическую практику (греч. *mageia* — волшебство, чародейство), основанную на приведение в действие не известных человеку, но имманентных Космосу тайных сил, воздействия на пронизывающие мир сакральные материи (в отличие от ожидания сверхъестественного чуда в теизме); соответственно дар предвидения (в отличие от мессианства христианских пророков) осмыслен как умение услышать голоса стихий: предсказания Пифии, например, связываются с испарениями из расщелины пещеры (ср. с искусом молчания в пифагореизме, призванного дать возможность услышать сквозь суетный шум звучание «гармонии сфер»), а пророческий дар богов мог служить и инструментом наказания (фигура Кассандры). 9) Эмоциональная тональность Я., по преимуществу, мажорна: в отличие от христианства как религии плача, гомерический хохот языческих богов вошел в число общекультурных идиом.

По словам Прокла, «мифы говорят, что плачут боги не вечно, смеются же

непрестанно, ибо слезы их относятся к попечению о вещах смертных и бренных, и порой есть, а порой нет их, смех же их знаменует целокупную и вечно пребывающую полноту вселенского действовани...

Смех мы отнесем к роду богов, а слезы — к состоянию людей и животных». В контексте своей исторической эволюции все теистские религии несут в себе следы восходящего к тотемизму языческого зооморфизма (Дух Святой в облике голубя, агнец как символ Христа в христианстве), характерного для Я. фетишизма (кааба в исламе или христианский крест, восходящий в своем генезисе к символике архаических солярных культов). В соотношении Я. и теизма отчетливо проявляет себя закономерность, зафиксированная в свое время еще Тертуллианом: сменяя Я., христианство включает прежних богов в свой пантеон, низводя их до статуса нечистой силы («мы поклоняемся единому Богу..., относительно других существ, которых вы именуете богами, мы знаем, что они не что иное, как демоны»).

Языческие персонажи природных стихий на уровне массового христианского сознания фиксируются в образах «низшей» мифологии (например, бесы); в Люцифере как «светоносном» могут быть усмотрены черты языческого солнечного бога, связанного с ночным и зимним «умиранием», задавшим соотношение с загробным царством, а в негативной семантике — с адом (ср. Ярилу в белорусской мифологии как персонификацию весны в виде девушки с колосьями в одной руке и человеческой головой — в другой). Многие элементы Я. в снятом виде входят в содержание христианской обрядности: Пасха как Святое Воскресенье Христово переосмысливается в соответствии с архаической семантикой аграрных культур как весеннее пробуждение (воскресение) природы, в структуру обрядности вводится ритуальное поедание окрашенного яйца (красный цвет — цвет крови — использовался в Я. как знак жизни для окрашивания лба раненых, рожениц и новорожденных с целью обратить их к жизни; яйцо выступает в европейском Я. традиционным (см. Орфизм) символом космогенеза; христианский праздник Троицы в православии включает в себя архаические элементы языческого анимизма (культ березы, трав и злаков); Преображение Господне стало отмечаться как типичный для Я. аграрный праздник сбора плодов (Яблочный Спас) и т.п. Персонификации Я. фундируют собою символическую систему европейской культуры, во многом детерминируя метафорику художественной традиции.

М.А. Можейко